

Чэн Си почувствовал неладное еще в воздухе. Его чувства всегда были пугающе острыми: когда-то, работая над сверхточными деталями, он лишь по касанию определял вес, толщину или малейшее отклонение в изгибе металла.

Этой мехой он пользовался постоянно, разбирал и собирал её столько раз, что знал каждый винтик. Сначала, поглощенный пилотированием, он не обратил внимания на кресло, но как только маневр был завершён и концентрация на панели управления чуть ослабла, подсознание тут же выдало сигнал тревоги.

Это походило на ощущение от привычного стула, который кто-то втихомолку опустил всего на сантиметр — глазу незаметно, но стоит сесть, и всё тело кричит о подвохе.

Во время боя мехи двигаются резко и яростно, поэтому кресла в кабине не просто намертво закреплены, но и оснащены сложной системой амортизации. Чэн Си напрягся. Дурное предчувствие ледяным комом подкатило к горлу. Последние дни рядом с Ясой были слишком комфортными, почти уютными; забота и защита принца притупили его бдительность. А уж перед самым отъездом он и вовсе расслабился.

В конце концов, он был инженером, исследователем, а не мастером интриг. Его ум, хоть и был живым, лучше справлялся с техническими задачами. Когда его жизнь висела на волоске, он просчитывал каждый шаг, но стоило напряжению спастись, а любимым железкам оказаться под рукой, как осторожность отошла на второй план.

«Если бы я хотел прикончить кого-то в замкнутом пространстве, — пронеслось в голове, — я бы выбрал бомбу». Как в тех старых детективных историях: взрывы в лифтах, зданиях, на кораблях и дирижаблях... Если ты не заложил бомбу, ты даже не можешь называться злодеем приличного калибра.

Портить систему управления было бы глупо: учебные мехи рассчитаны на новичков, их уровень безопасности запредельно высок, и для экстренного катапультирования достаточно одного нажатия кнопки. К тому же вмешательство в систему слишком сложно и оставляет следы.

Простая, грубая сила всегда эффективнее.

Чэн Си глубоко вздохнул, не смея пошевелиться. Если здесь действительно заложен заряд, скорее всего, он активируется датчиком давления, стоит ему оторваться от сиденья.

Он взглянул на панель. Красные цифры обратного отсчета обожгли сетчатку. В этот миг страх исчез, оставив после себя кристальную ясность мыслей.

Он выхватил из кармана портативный инструмент и привычным, отточенным движением

наполовину раскрутил крепление правого манипулятора изнутри кабины. В образовавшуюся узкую щель ворвался свист воздуха. Из-за смещения руки меха повело в сторону, равновесие нарушилось. Зажав инструмент в зубах, Чэн Си одной рукой рванул рычаги, выравнивая траекторию, а другой подхватил прижавшегося к нему Уголька.

Одним точным движением он вытолкнул птицу в щель.

Уголёк в ужасе вытаращил глаза и вцепился когтями в край металла, не понимая, почему хозяин так с ним поступает. До взрыва оставалось меньше трех минут. Территория академии была огромной, меха могла не успеть покинуть её пределы, а он не знал, где внизу свободная площадка. Был лишь один способ свести потери к минимуму.

— Пфу-чжу! — Уголёк отчаянно пытался затиснуться обратно, издавая возмущенные крики.

Чэн Си выплюнул инструмент на пол. Этот набор Яса заказал специально для него, даже не спросив, зачем ему такие специфические штуки. Жаль, что попользоваться ими больше не придется.

Он посмотрел в маленькую щель и горько усмехнулся пушистому комочку:

— Надо же... Похоже, только ты и был настоящим.

Чэн Си щелкнул Уголька по лбу, и тот, потеряв равновесие, кувыркнулся наружу. Птица, вне себя от ярости, затрепыхала крыльями, пытаясь догнать меха, но скорость была слишком велика. Тень «железного зверя» стремительно уменьшалась, уходя в небо.

— Можешь злиться сколько угодно, — прошептал Чэн Си, глядя вниз, — всё равно больше не сможешь нагадить мне на голову.

Он выжал энергию двигателя на максимум. Меха, подобно сорвавшейся с тетивы стреле, устремила ввысь, в самое зенитное облако.

Что чувствуешь в момент смерти? Он всегда думал — ничего. Сознание гаснет быстрее, чем тело успевает осознать боль. Ты просто перестаешь быть. Но если это так... почему же он сейчас... думает?

«Кто я?»

«Чэн Си».

Словно человек, тонувший в глубокой воде, он резко распахнул глаза. Впереди брезжил свет, манящий и теплый. Он из последних сил рванулся к поверхности, и в ушах зазвучали голоса —

сначала глухо, потом всё отчетливее.

— Очнулся! Врач, он пришел в себя! — радостно выкрикнул кто-то.

На мгновение ему показалось, что перед ним Яса. Но когда зрение прояснилось, он увидел незнакомца.

Мужчина в белом халате, в изящных очках без оправы. В чертах его лица действительно было что-то общее с принцем.

— Доктор Юлисис, — позвал его кто-то рядом.

«Я выжил в том взрыве? — Чэн Си не мог поверить. — Наверное, предки на том свете замолвили словечко. Несмотря на шлем и защиту, после такого обычно собирают в закрытый гроб».

— Слава богу! Зевир, ты наконец-то проснулся! — у кровати стояла женщина лет тридцати, её глаза блестели от слез.

— Кто вы? — выдохнул Чэн Си и сам опешил. Голос был чужим — слишком тонким, детским.

Женщина в тревоге обернулась к врачу:

— Доктор Юлисис, что с ним?

— Он слишком долго пробыл под водой, — спокойно ответил врач, поправляя очки. — Сердце уже стояло. То, что мы его вытащили — чудо. Вероятно, из-за кислородного голодания произошла частичная потеря памяти.

Чэн Си слушал это, и внутри у него всё леденело. Он чувствовал, как мелко дрожит челюсть. Попытка поднять руку стоила ему невероятных усилий.

Ладонь была маленькой. Пальцы — длинные и ловкие, но покрытые мелкими шрамами, заусенцами и мозолями. Это были руки ребенка, рано узнавшего тяжелый труд.

Мир вокруг рухнул.

Переселение души? Рассказ из старой книжки о призраках стал его реальностью? Что за нелепый бред... Если это не сон, то кто он теперь? Чэн Си или этот Зевир?

Он сжался в комок на кровати, обхватив колени и пряча в них лицо.

— Доктор, он точно в порядке?

— Всё хорошо, дайте ему время прийти в себя. К нему скоро заглянет брат, Клайд. Кажется, он тоже в больнице?

— Ох, не напоминайте, — вздохнула женщина. — У того мальчика не всё в порядке с головой, он никого не слушает, кроме Зевира. Два дня ничего не ел, пришлось везти сюда на капельницы.

Кулаки Чэн Си сжались. Ребенок по имени Зевир умер, и чувство вины за то, что он занял чужое место, душило его. Но еще сильнее он презирал себя за тайную радость от того, что снова дышит.

— Я пойду посмотрю на младшего. Тут угроз жизни нет, но если Зевир не возьмет себя в руки, у его брата будут большие проблемы, — Юлисис коротко и изучающе посмотрел на фигурку на кровати и вышел.

Чэн Си поднял голову, проводил их взглядом до двери, а затем сполз с кровати и побрел в туалет.

Из зеркала на него смотрел подросток лет тринадцати-четырнадцати. Желтоватая кожа, черные глаза, волосы странного пепельно-серого оттенка. Лицо было настолько худым, что миндалевидные глаза казались огромными и пугающими.

Он коснулся холодного стекла пальцами.

— Мне жаль, что я занял твоё тело. Если в этом мире есть боги или духи... если у тебя остались несбывшиеся желания, я обещаю их исполнить.

Чэн Си взглянул на свои огрубевшие ладони. Сердце отозвалось резкой болью. Ребенок, который так отчаянно боролся за жизнь, лишился будущего.

Он открыл кран, плеснул в лицо ледяной водой и вытерся рукавом. Он стал жестким.

«Его жизнь оборвалась, но моя продолжается. Теперь я несу ответственность за двоих, и я не имею права сдаваться».

Расспросив медсестру, он быстро нашел палату Клайда. Увидев Зевира в дверях, Грейс — та самая женщина — ахнула.

— Зевир? Почему ты не в постели?

— Это мой брат? — Чэн Си подошел ближе. На кровати лежал изможденный ребенок, его глаза были плотно зажмурены, а лоб прорезала складка — он словно чего-то боялся даже во сне.

Клайд совсем не походил на Зевира. У него были европейские черты лица, в то время как Зевир выглядел метисом.

— Ты вспомнил его? — обрадовалась Грейс.

Чэн Си покачал головой:

— Нет. Но я чувствую, что должен о нем позаботиться.

В этих словах был двойной смысл, понятный лишь ему одному.

Доктор Юлисис, стоявший рядом, слегка улыбнулся:

— Я переведу вас в одну палату. Но сначала вам обоим нужно нормально поесть.

Пока они ждали обед, Чэн Си осторожно расспрашивал Грейс.

Оказалось, что он в Девятом районе на Голубой планете. Тело принадлежит бете по имени Зевир. Родители давно умерли, а Клайда он нашел на свалке, когда тот был совсем крохой — они не были родными по крови.

Зевир работал подмастерьем на заводе по производству полицейских мех. Платили копейки — едва хватало на еду. На самом деле мальчику уже исполнилось шестнадцать, но из-за постоянного недоедания он выглядел намного младше.

Грейс была их соседкой. Её муж работал на том же заводе мастером смены, и их семья, жившая чуть богаче, всегда старалась подкармливать сирот.

Чэн Си долго колебался, но в конце концов не выдержал и спросил о новостях из Имперской столицы.

К его ужасу, со дня взрыва прошло уже два месяца.

«Неужели для души время течет иначе? — подумал он. — Там — миг, здесь — недели».

— Писали, что будущая невеста принца погибла в том теракте. Второй принц вне себя от горя, — вздохнула Грейс. — Никогда не видела обычно спокойного Ясу в такой ярости. Он поклялся найти убийц и вершить правосудие.

— В новостях говорили, что этот Омега был святым человеком. Чтобы взрыв не задел невинных, он сам увел меху в небо, отказавшись от шанса на спасение.

— Весь интернет гудит, люди требуют смертной казни для виновных. В Империи её давно отменили, но при таком давлении общества могут сделать исключение.

Грейс, видя, что мальчикам лучше, немного расслабилась и пустилась в сплетни:

— Слышала еще, что принц поместил тело невесты в кристальный гроб. Говорят, там оно останется нетленным целую сотню лет. Должно быть, он очень её любил.

Чэн Си опустил голову, не проронив ни слова.

<http://bllate.org/book/17454/1658411>